

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 414

М.Т. Асланова

ТЕХНОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье поднимаются вопросы возможности маркирования постиндустриального общества как общества постмодерна. Автором обосновывается тезис о том, что преобразования в производственно-экономической и научно-технической сферах современного общества следует описывать,

исходя из реалий культуры постмодерна, особенностей постмодернистской идеологии и постмодернистского мировоззрения.

Ключевые слова: постмодернизм, постиндустриальное общество, информационное общество, технологии, наука, идеология.

М.Т. Aslanova

MAN-CAUSED NATURE OF POST MODERNITY: PROBLEM STATEMENT

The author analyses the problem of possibility to identify postindustrial society as postmodern society. She proves the thesis that the transformation in industrial, economic and scientific spheres of modern society should be described on the basis of the real-

ity of postmodern culture, the characteristics of postmodern ideology and the postmodern worldview.

Key words: postmodernism, post-industrial society, information society, technology, science, ideology.

Проблематичность техногенных характеристик постсовременного общества определяется несколькими факторами, главным из которых является интеллектуальная сложность различения при анализе ситуации постсовременности культурного феномена и его теоретической модели. Во втором случае постмодернизм представлен осмыслением и в то же время критикой эпохи преодоления индустриализма. Как отмечает Е.А. Сергодеева: «Критика теории модерна в конце XX века привела к появлению целого спектра новых концептуальных моделей современности. Наиболее распространенной характеристикой общества и культуры становится их обозначение с приставкой «пост-», что предполагает преодоление в современной социальной ситуации предыдущих трендов развития» [5, с. 44]. Ситуация постсовременности становится одной из важнейших тем дискуссий после

того, как Ж.-Ф. Лиотар распространяет рассуждение о постмодерне на область философии. Выход в 1979 году его книги «Постсовременное состояние» можно условно считать началом философской рефлексии над феноменом постмодернизма и началом формирования его идеологии. Всякая идеология – государственная, политическая или культурная – имеет в своей основе теоретическое обоснование. Как правило, именно философия является инструментом и способом создания и воплощения той или иной идеологии.

О философии постмодернизма говорить весьма сложно, поскольку постмодернистская ситуация в философии возникла именно из сомнения в возможности существования философии как некоего достаточно целостного, несмотря на разнообразие позиций и методов философствования, способа постижения мира. «В этом плане пост-

модерн идет много дальше, чем неклассическая критика классического философского рационализма, отрицая саму возможность философии. Философии отказывается в праве на существование, как и любому нарративу (то есть ценностно-оценочному суждению законодательного порядка), носящему повествовательный (читай – исторический) характер. Критика нарративов – это своего рода «общее место» в текстах мыслителей постсовременности, и если осуществляется попытка сломать нарративы, то за ней с необходимостью следует вывод о «смерти философии» [6, с. 42].

Многие авторы справедливо полагают, что неоднозначность положения философии в постмодернистской культуре обусловлена тем, что ее интеллектуальная атмосфера возникла именно из-за сомнения в возможности существования науки, идеологии и других метанарративов [4, с. 142]. «В основе постмодернистского мировоззрения лежит идеологическая установка отказывающаяся разуму в его притязаниях на всемогущество. Научное знание лишается объективного статуса, рассматривается как результат действия социальных и политических сил, как воплощение стратегий власти, а сам научный текст интерпретируется как самодостаточная форма репрессии» [5, с. 46]. Это, однако, трудно совместить с характеристиками постиндустриального общества, которое часто маркируется как общество постмодерна, в которой большая роль отводится информационной деятельности невозможной без посредничества науки и техники, то есть, в итоге, рационального знания. Кроме того, «подчинение жизненного мира системному сопровождается ростом напряженности и конфликтов в современном обществе. Из области экономики и политики они постепенно перемещаются в область культуры, затрагивая жизненные ценности и ориентации людей [1, с. 200].

Идеологи постиндустриального общества в своих социально-философских построениях предлагают особое видение исторического процесса, которое можно охарактеризовать как трехстадийную кон-

цепцию. Рассуждая в рамках данной парадигмы, Тоффлер называет зарождающуюся цивилизацию «обществом третьей волны», хотя следует отметить, что этот эпитет получил меньшее распространение и для научного понятия носит несколько образный и отчасти излишне метафоричный характер. Наиболее распространенными понятиями, применяемыми для обозначения новой стадии социального развития, будут «постиндустриальное общество» и/или «информационное общество». Однако возникает вопрос, какое из них наиболее адекватно описывает реальность на рубеже третьего тысячелетия? По сути дела, данные термины являются близкими, если не идентичными по своему содержанию, ведь постиндустриальное общество по своему существу является информационным, так как определяющим в нем видом деятельности является именно информационная деятельность. В этом смысле понятие «информационное общество» более конкретно чем «постиндустриальное». Несмотря на то, что понятие «информационное общество» в определенной мере абсолютизирует научно-техническую составляющую современной эпохи, оно в наибольшей степени отражает суть происходящих в обществе и культуре перемен. Процессы информатизации – наиболее заметные процессы, происходящие в современном обществе. Они во многом детерминируют над другими, не менее знаковыми для эпохи событиями, например, сменой мировоззренческих установок, изменением подходов в научном познании, пересмотром ориентиров в социально-политической практике и т. д.

При попытке соединить постмодернистскую культуру и идеологию информационного общества возникает вопрос: существует ли достаточно оснований считать постмодернизм антисциентизмом? Как представляется, дать положительный ответ на этот вопрос, значит, поступить несколько некорректно и прежде всего в философском измерении. Дело в том, что, несмотря на то, что иногда постмодернизм отвергает глобальные проекты переустройства мира

средствами разума, то это еще не значит, что оно вообще выступает против развития научных технологий. Вряд ли вообще возможно говорить о современном обществе и современной культуре, рассматривая их вне технологического контекста. Влияние новейших электронных технологий на жизнь общества и отдельного человека столь велико, что попытка абстрагироваться от них при рассмотрении любой отрасли реальности конца XX – начала XXI века, едва ли выглядит разумной.

Постмодернизм на самом деле признает технологический характер современности и стремится осмыслить и воплотить его в своих категориях. Если обратиться к классической работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», то в ней вхождение общества в постсовременный период французский философ связывает с процессами всеохватывающей информатизации, которые стали одной из причин изменения статуса знания, и возникновения специфического постмодернистского видения мира [2, с. 14–23]. Подтверждением этого может служить специфика происходящих изменений в экономике развитых стран Запада в последние десятилетия. В производственной сфере главные перемены связаны, в основном, с переходом от массового характера производства к мелкосерийному – принцип стандартизации постепенно сменяется принципом разнообразия. С технической точки зрения это стало возможным благодаря внедрению новых компьютерных технологий. В свою очередь, успех технологий, разрушающих унифицированный подход в производственно-экономической сфере, во многом обусловлен стремлением человека вырваться из оков однообразия, которое породила механизация докомпьютерного периода.

С философской точки зрения, массовое производство и потребление, массовое тиражирование культурных стандартов и новые восприятия действительности, является выражением примата целого над частным, общего над отдельным, единого над множественным. Подобные установки свойствен-

ны индустриальной стадии капитализма, которая наиболее полно выражает идеологию модерна как «великого проекта» европейской культуры. Здесь уместно вспомнить рассуждения Герберта Маркузе о том, что трудно вести речь об индивидуальности в индустриальном модернистском обществе, когда миллионы людей просыпаются в одно и то же время, затем покидают свои квартиры, устремляясь в переполненном транспорте из пригородов к месту работы, где их ждет рутинный механический труд. Отрабатывая положенные часы, они одновременно возвращаются в свои типовые квартиры, где проводят досуг, читая одинаковые газеты и смотря одинаковые телепрограммы, предполагаемые индустрией бездумного времяпровождения. Почти в один момент со своими соседями они гасят в комнатах свет, а следующий их день будет мало отличаться от предыдущего. У человека не только не остается времени побыть наедине с собой, подчеркивал в свое время Г. Маркузе [3, с. 40], но и вообще возможности быть с собой. Таков итог подмены индивидуальных ценностей общими идеями, которые при использовании индустриальных технологий превращают общество в тотальность, подавляющую конкретную личность.

Возможность преодоления подобной ситуации теоретики информационного общества увидели в развертывании технологий, главным образом, электронных, то есть, резервы гуманизации техники, по их мнению, следует искать в развертывании самого технического прогресса, а не отказа от него. С развитием компьютерной технологии стал возможен отход от массификации производства – производство стало более гибким и нацеленным на удовлетворение самых разнообразных потребностей. Но, вместе с тем, связывать переход к новому историческому периоду только лишь с научно-техническими достижениями было бы не совсем корректно: в этом случае имел бы место отход от позиции технократизма, что идет в разрез с постмодернистским мировоззрением, так как утверждает приоритет одной сферы над всеми остальными.

Рассуждая в данном русле, А. Тоффлер подчеркивал, что демассификация производства происходит параллельно с утверждением новых стилей труда, новых ценностей, нового разнообразия, и эти изменения не сводятся только лишь к экономической сфере, они носят глобальный характер, проникая во все области жизнедеятельности людей. По его мнению, изменения в неэкономических сферах как раз и помогут определить, что происходит в сфере экономической [7, с. 258].

Пожалуй, именно А. Тоффлер, был наиболее глубоким мыслителем из плеяды теоретиков постиндустриального общества; именно он подчеркивал масштабность изменений в обществе конца XX века, выводя их далеко

за рамки технических и телекоммуникационных новаций. «Во все большей степени, – отмечал он, – люди осознают, что вокруг нас формируется новая культура. И дело не только в компьютерах... Это новые установки по отношению к труду, полу, нации, досугу, авторитетам и так далее» [8, с. 256].

Таким образом, можно сделать вывод, что преобразования в производственно-экономической и научно-технической сферах современного общества следует описывать в контексте общекультурных изменений, происходящих в последних десятилетиях XX века, то есть, исходя из реалий культуры постмодерна, особенностей постмодернистской идеологии и постмодернистского мировоззрения.

Литература

1. Лежебоков А. А. Особенности российской модели интеракции структур гражданского общества и государства // Научные проблемы гуманитарных исследований: научно-теоретический журнал. – 2012. – № 1.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Алетейя, 1998.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1995.
4. Сапрыкина Е. В., Сергодеева Е. А. Философский дискурс в культуре постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9(47). – Ч. 1.
5. Сергодеева Е. А. Подозрение как феномен современной культуры // Философские науки. – 2013. – № 6.
6. Терещенко Н. А., Шатунова Т. М. Постмодерн как ситуация философствования. – СПб.: Алетейя, 2003.
7. Тоффлер А. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.
8. Тоффлер А. Раса, власть, культура // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.